

пытание героев. В этом случае, Чернобыль часто сравнивается с другими трагическими событиями истории. Третий пример мемориализации – Чернобыль как место поиска смысла жизни. В фантастической литературе Чернобыльская трагедия крайне мифологизирована. В последнее время прослеживается тенденция глобализации чернобыльской аварии: катастрофа становится частью общего дискурса о рисках технологического прогресса.

Библиографический список

1. Алексеевич С.А. Чернобыльская молитва. М.: Остожье, 1997.
2. Вознесенская Ю.Н. Звезда Чернобыль. М.: Вече, 2023.
3. Губарев В.С. Фантом // Наука и жизнь. 1987. №6, 7.
4. Копчинский Г.А., Штейнберг Н.А. Чернобыль: Как это было. Предупреждение. М.: Литтерра, 2011. 240 с.
5. Легасов В.А. Мой долг рассказать об этом// Проблемы анализа риска. 2006. Т.3. №1. С.33- 55.
6. Осьмухина О.Ю., Белоглазова Е.А. Специфика синтеза фольклорного и православного кода в романе Ю. Вознесенской «Звезда Чернобыль» // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 772-785.
7. Румянцева Н. Татьяна Толстая в «Буквоеде». 09.10.15 [Видеозапись] URL: <https://youtu.be/TQ5vL4MA09c?t=3127> (дата обращения 7 мая 2023).
8. Фантом : Сб. докум. и худож. произведений о трагич. событиях на Чернобыл. АЭС в апр. 1986 г. М.: Молодая гвардия, 1989. 238 с.

М.Д. Романенко

Самарский национальный исследовательский университет

УСТНЫЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА МАТЕРИАЛАХ БИОГРАФИИ РЕКТОРА КУАИ (1956-1988 ГГ.) – В.П. ЛУКАЧЕВА)

Устная история как самостоятельное направление исследований зародилась в середине XX века. Тогда центром применения этого подхода стал Колумбийский университет [3, с. 71-72]. Другим центром устной истории стала Западная Европа, где с середины 1970-х гг. проводились международные конференции по устной истории [3, с. 73]. В Россию этот подход пришел относительно недавно, в 1990-х гг. [2, с. 94].

Однако более чем за три десятилетия устная история не смогла занять себе прочные позиции в российской исторической науке: по-прежнему разворачиваются дискуссии вокруг ее предмета, источников, методов. По мнению специалиста в области устной истории Т.К. Щегловой, существует несколько факторов, препятствующих признанию материалов устной истории как полноценных и самостоятельных исторических источников в российской исторической практике. К ним относятся стойкие традиции позитивизма, инерционность мышления; ограниченность круга российских историков, специализирующихся по устной истории, а также отсут-

ствие профессионального сообщества устных историков России [2, с. 94]. Все это, в свою очередь, накладывает определенные негативные отпечатки на использование этого подхода в исторических исследованиях. Трудности возникают в наименовании и классификации источников устной истории. За три десятилетия специалисты так и не пришли к общему мнению о том, что именно можно считать устным источником, а также не выработали единообразного названия для них [4, с. 37; 2, с. 94].

Современная историческая наука относит устные исторические источники как самостоятельную разновидность к группе источников личного происхождения. Такой статус закрепился как в специальных исследованиях по устной истории [3, с. 17; 6, с. 190], так и в учебных пособиях [1, с. 42]. Трудно не согласиться с подобной классификацией устных исторических источников. На наш взгляд, выделение их в самостоятельную разновидность источников личного происхождения является корректным.

Несмотря на трудности, устные исторические источники используются в современных исследованиях российских авторов. Нами была предпринята попытка анализа потенциала устных исторических источников для исследования биографии ректора Куйбышевского авиационного института (1956–1988 гг.) – Виктора Павловича Лукачева.

Следует отметить, что устные исторические источники создавались в ходе индивидуальных интервью с респондентами, которые были лично знакомы с В.П. Лукачевым. Несомненно, главной особенностью устных исторических источников является то, что они предоставляют для исследователя уникальные сведения, которые не содержатся в письменных документах. Устные интервью проливают свет на те моменты повседневности, которые находятся в тени письменных свидетельств. Благодаря им мы можем реконструировать ту сферу повседневной жизни, которая недоступна исследователю при работе с архивными документами. Это позволяет создать более полное представление о жизни и деятельности В.П. Лукачева. В частности, мы можем выявить «круг доверия»: установить ближайший круг лиц, который в разные периоды времени помогал В.П. Лукачеву в административной деятельности. Обширный круг связей В.П. Лукачева может быть восстановлен и с помощью письменных источников, однако некоторые лица, входящие в этот круг, могут не фигурировать в документах, скрываясь от взора исследователя. Выявить их можно лишь с помощью устных интервью.

Также стоит отметить, что интервью содержат субъективную оценку респондента об изучаемой личности. Это делает исследование с применением устных источников менее формализованным и более «живым». Сопоставив оценки нескольких респондентов, исследователь получает возможность выявить особенности конструирования исторической памяти о В.П. Лукачеве. В этом смысле исследователь имеет дело с определенным

образом исторического персонажа, который остался в памяти респондентов. Более того, субъективные сведения респондентов предоставляют исследователю альтернативную точку зрения на процессы или события, что позволяет по-иному взглянуть на имеющиеся письменные источники, подвергнуть их корректировке или уточнению или вовсе опровергнуть [7, с. 120].

При работе с устными интервью, как и с любыми другими историческими источниками, мы сталкиваемся с определенными ограничениями. Во-первых, это человеческая память. Из-за ее особенностей некоторые факты могут преподноситься недостоверно, а могут быть вообще забыты. В таком случае ценные факты об изучаемом персонаже могут быть утрачены. Во-вторых, некоторые сведения респондента попросту не поддаются проверке, поскольку они никак не отражаются в письменных документах.

Однако, на наш взгляд, устные исторические источники обладают большим потенциалом для исследования биографии В.П. Лукачева. При правильном использовании устные интервью позволяют вскрыть тот пласт информации, который не отразился в письменных источниках, и создать полноценную картину жизни и деятельности со всеми перипетиями человеческих взаимоотношений.

Библиографический список

1. Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие. Барнаул, 2011. 364 с.
2. Щеглова Т.К. Материалы устной истории как исторический источник и поиски им места в научных классификациях российского источниковедения в XX-XXI столетиях // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 93-101.
3. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул, 2008. 528 с.
4. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М., 2003. 368 с.
5. Рафикова С.А. Устноисторические источники как способ оживления Истории // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. научных статей / отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул, 2017. С. 34-45.
6. Кузнецов А.С. Устный исторический источник в отечественном источниковедении: его место и особенности // Известия АлтГУ. 2017. № 2. С. 188-192.
7. Бутько В.Н. Устная история: преимущества и недостатки // Наука и современность. 2010. № 1-1. С. 118-123.